

МОНИТОРИНГ (ДАННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

DOI: 10.17805/zpu.2023.3.11

Распространенность и эффективность служб примирения/медиации в школах России (по данным опроса родителей)

А. Н. Островский

Российский государственный социальный университет,

Р. А. Чуприков

Аппарат Общественной палаты Российской Федерации

Статья представляет результаты всероссийского онлайн-опроса родителей, проведенного в 2019–2022 гг.

Ситуация с проявлениями девиантного поведения детей и подростков в школьной среде, по данным актуальных исследований, несмотря на активное развитие служб примирения/медиации в образовательных организациях России, продолжает оставаться сложной.

72% россиян вообще не знакомы с понятием «служба примирения/медиации в образовательных организациях». В структуре случаев, рассматриваемых службами, лидируют ситуации, связанные с наличием конфликта с другими детьми и учителями (21,6%); конфликты, сопровождающиеся нарушением закона, рассматриваются службами всего в 2,8% случаев. Большая часть школьных конфликтов разрешается конфликтующими сторонами самостоятельно (26,2%) или при участии администрации (22,2%) без привлечения служб. Службы принимают на себя функции по первичному рассмотрению конфликтов лишь по данным 21,8% опрошенных. Отмечена значительная доля лиц (50,7%), имеющих опыт взаимодействия со службами в части разрешения конфликтов своих детей или собственных конфликтов с образовательной организацией в тех организациях, где службы существуют.

Есть основания полагать, что наличие служб в структуре школ способствует формированию особой внутриорганизационной культуры, в которой родители констатируют проявления более конструктивных подходов к урегулированию конфликтов; лучшую осведомленность учителей о конфликтных ситуациях; показывают большую удовлетворенность деятельностью образовательной организации по работе с детскими конфликтами (48% против 16% в школах, в которых отсутствуют службы). Частота любых конфликтов выше в организациях, где нет соответствующих служб, по сравнению с аналогичными показателями в школах, имеющих эти подразделения.

Полученные результаты свидетельствуют в целом об эффективности медиативной практики при работе с девиантным поведением, конфликтами и правонарушениями несовершеннолетних. В то же время низкий охват населения как самими службами примирения/медиации, так и информацией об их возможностях свидетельствует о необходи-

мости создания эффективных организационных моделей внедрения медиативных технологий в самые различные процессы реагирования на социальное неблагополучие.

Ключевые слова: службы школьной медиации; школьные службы примирения; инфор-мированность; охват населения; конфликты; девиантное поведение; правонарушения

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на предпринимаемые меры по профилактике девиантного поведения детей и подростков, ситуация с его проявлениями, по данным актуальных исследований, в значительной степени оставляет желать лучшего.

Согласно результатам изысканий С. Кривцовой и соавторов, 13% учеников подвергаются буллингу не реже раза в неделю на протяжении минимум полугода, 18% — сталкиваются с ним несколько раз в месяц и реже (Кривцова, Шапкина, Белевич, 2016: 113). По другим данным, «разным типам буллинга хотя бы один раз в течение месяца, предшествовавшего опросу, подвергались от 30 до 60% школьников» (Новикова, Реан, Коновалов, 2021: 76).

Итоги исследований агентства «Михайлов и Партнеры. Аналитика» демонстрируют снижение уровня агрессивности в школах: если в 2019 г. с буллингом сталкивался буквально каждый второй подросток (52%), то в 2021 г. это значение составило лишь 27%, что, впрочем, можно связать со временным переходом в данный период российских школ в дистанционный формат работы (Проект «Мы считаем» ... : Электронный ресурс). Все большую актуальность начинает приобретать феномен кибербуллинга. К. Д. Хломов и соавторы установили, что «встречи с ситуациями кибербуллинга являются элементом повседневного опыта современных московских школьников: только 28,4% респондентов сообщили, что не сталкивались с этим явлением» (Хломов, Давыдов, Бочавер, 2019: 281), половина же сталкивалась от одного до нескольких раз.

Школьные конфликты затрагивают не только обучающихся, но и педагогические коллективы. Согласно данным Е. В. Фроловой с соавторами, до 60% опрошенных учителей были когда-либо вовлечены в конфликты с учащимися (Конфликты в системе школьного образования ... , 2019: 230). Более того, учителя сами зачастую становятся жертвами буллинга как со стороны учеников, так и родительского сообщества. Как минимум 70% учителей, опрошенных в рамках исследования Ю. А. Черненко и Д. И. Сапрыкиной, сталкивались с каждой из таких форм буллинга, как дразнение учителя, придумывание ему прозвища, игнорирование учителя, обсуждение его личной жизни, демонстрация своего презрения с помощью жестов или взглядов, специальное нарушение дисциплины на систематической основе, отказ выполнять требования преподавателей. С наиболее жесткой формой буллинга — угрозами от учеников сталкивался хотя бы раз в жизни каждый второй учитель. При этом 5,8% отмечают, что это происходило на регулярной основе. 42% респондентов сталкивались с медиатизированной формой буллинга (кибербуллингом), проявляющейся через оскорбительные письма или посты в социальных сетях (Черненко, Сапрыкина, 2018: 141).

С целью построения системной работы с детской и подростковой агрессией, направленной на профилактику правонарушений, в 2012 г. в России была принята к реализации идеология подхода к работе с девиантным поведением несовершеннолетних, базирующегося на технологии медиации и принципах восстановительного правосудия, нашедшая отражение в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы (далее — Стратегия)¹.

Вторым шагом по нормативному закреплению медиативной практики в деятельности учреждений образования и системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних стало создание Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации² (далее — Концепция), позже пролонгированной до 2020 г. Концепция впервые ввела в профессиональную лексику специалистов, работающих с соответствующей проблематикой, термин «службы медиации» как наименование структурных подразделений, отвечающих за реализацию восстановительной практики в отношении работы с несовершеннолетними, наряду с ранее использованным в Стратегии термином «службы примирения». Стоит отметить, что до выхода Концепции термин «медиация» в России чаще использовался специалистами или как наименование процедуры урегулирования конфликта в психологической или восстановительной практике, или в качестве наименования нового вида деятельности — исключительно в контексте вступившего в силу тремя годами ранее Федерального закона от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»³, предметом регулирования которого не являлись правонарушения и девиантные поступки несовершеннолетних.

Стержневым смыслом Концепции стало создание нового направления организационного развития медиативной практики в отношении несовершеннолетних: сети служб школьной медиации (Шамликашвили, Хазанова, 2014: 31). Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 декабря 2015 г. №07-4317 «О направлении методических рекомендаций»⁴ довело до сведения своих подведомственных структур методические рекомендации по созданию и развитию служб школьной медиации в образовательных организациях, разработанные ФГБУ «Федеральный институт медиации», а также рекомендации по созданию и развитию школьных служб примирения, созданные специалистами Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. Нормативная регламентация двух параллельно существующих подходов к организации работы по профилактике и разрешению конфликтов с участием несовершеннолетних породила некоторую растерянность специалистов «на местах» и даже определенное идеологическое интеллектуальное противостояние их приверженцев (Вечерина, Путалова, 2020: 141). Стоит высказать и авторскую позицию в отношении сложившейся в те годы ситуации: дихотомия подходов, определенных понятиями «медиация» (и/или «медиативный подход») и «примирение» как результат реализации восстановительного подхода, является довольно искусственной. Классическая медиация, легшая в основу практики служб школьной медиации и восстановительная медиация, ставшая фундаментом деятельности школьных служб примирения, имеют ценностные и технологические общности и после методологического переосмысления. Они вполне могли бы стать двумя разнообразными инструментами в руках одного специалиста в рамках единой службы. В подтверждение этой позиции в 2017 г. коллективом разработчиков, включавшим одного из авторов данной статьи, под руководством специалистов Министерства образования и науки РФ была предпринята попытка преодоления указанной концептуальной дихотомии при создании Методических рекомендаций по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций⁵. В указанном

документе службы примирения/медиации впервые упомянуты как единые базы для внедрения рассматриваемых технологий. Спустя несколько лет по инициативе Министерства просвещения РФ были созданы Методические рекомендации по развитию сети служб медиации (примирения) в образовательных организациях и в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей⁶. В названных выше рекомендациях рассматриваемые технологии работы были также прописаны на страницах одного документа как варианты построения двух различных подходов к работе с конфликтами. Таким образом, в образовательном пространстве страны сохранились два типа служб: «школьной медиации» — развивающие медиативную модель; и «примирения» — выступающие организационной основой развития восстановительной модели. По данным Аналитического доклада «Мониторинг деятельности служб медиации в субъектах Российской Федерации», на конец 2021 г. отмечается стойкий рост числа данных служб в стране: служб медиации — «с 15 382 в 2019/20 г. до 18 266 в 2020/21 г. (+18,7%)» и служб примирения — «с 9032 до 11 509 (+27,4%)» (Аналитический доклад ... : Электронный ресурс).

В последние годы направления развития медиативной практики в отношении несовершеннолетних значительно диверсифицировались. Медиативные технологии стали применяться как инструмент для профилактики и разрешения виртуальных конфликтов при работе с кибербуллинг (Нагибина, 2022: 123; Das, 2019: 351); выдвигаются предложения по созданию онлайн-служб медиации в системе образования (Редькина, 2022: 403), особенно актуальных при работе в условиях труднодоступных регионов Арктики и Крайнего Севера с детьми с ограниченными возможностями здоровья (Смолянинова, Алексеева, Смолянинов, 2021: 346; Груздева, 2021: 51). Идет создание служб в воспитательных учреждениях для подростков, находящихся в конфликте с законом (Андреева, Коротун, Медведева, 2022: 63; Маркова, 2022: 170; Флегонтова, 2020: 356), есть опыт проведения медиативных онлайн-встреч воспитанников данных учреждений со своими родителями (Евсеева, 2022: 66). Разработан онлайн-сервис для создания и сопровождения школьных служб медиации (Забалканцева, Флоренкова, 2021: 57). Создаются службы примирения/медиации в средних специальных (Барвинская, 2020: 132) и высших образовательных организациях (Карпова, Смелова, 2021: 77; Турова, Гонохова, 2020: 52), в образовательных учреждениях интернатного типа (Шелиспанская, Привезенцев, 2020: 627). Ведутся изыскания в направлении моделей повышения эффективности деятельности служб примирения/медиации (Голошубова, Калинина, 2021: 32; Мигунова, 2021: 97), в том числе с усиливающейся ролью некоммерческого сектора (Архипкина, 2020: 13), переосмысливаются механизмы запуска служб примирения/медиации (Хавкина, 2022: 292).

Наиболее актуальным нормативным правовым актом, закрепившим развитие медиативной практики в образовательных организациях в качестве важной государственной задачи, стал Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года», определивший реализацию «восстановительных технологий при работе с детьми... включая развитие служб медиации (примирения) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность»⁷.

Несмотря на растущие показатели распространенности служб примирения/медиации, число публикаций, анализирующих их деятельность, авторский опыт

включенного наблюдения за развитием школьной медиативной практики позволяет нам поставить вопрос о необходимости независимой оценки эффективности проводимой работы. Данная эффективность может быть оценена через призму опыта взаимодействия с соответствующими службами тех, кто является целевой аудиторией их деятельности, — учащихся (опосредованно через их законных представителей — родителей) на следующих уровнях:

- информированности о самом понятии «служба школьной медиации» / «школьная служба примирения» (далее — ШСМП, Служба(ы));
- информированности о наличии подобных структур в образовательных организациях, где обучаются ребенок / дети респондентов;
- наличия или отсутствия опыта соприкосновения с деятельностью ШСМП;
- субъективной оценки деятельности ШСМП со стороны тех, кто имел опыт взаимодействия с ними в ситуациях наиболее типичных школьных конфликтов «ученик — ученик», «ученик — родитель — учитель», «родитель — родитель» в сравнении с оценкой эффективности реагирования на данные ситуации в школах, не имеющих Служб.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для ответа на поставленные выше вопросы на протяжении 2019–2022 гг. проводили всероссийский авторский онлайн-опрос. Ссылку на анкету распространяли в соседских или родительских группах социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook⁸ Москвы и ряда регионов Российской Федерации, отличающихся уровнем экономического развития и социокультурными особенностями. При размещении ссылок учитывали требования выборки в части необходимости соблюдения пропорций в представленности среди респондентов жителей населенных пунктов различного масштаба.

Среди 2957 участников опроса преобладали жители городов — областных центров с численностью населения до 1 млн человек (29%) (рис. 1, с. 166).

Среди респондентов также преобладали женщины (84%) против 16% (мужчины) (что, учитывая добровольный характер заполнения анкеты, может свидетельствовать о том, что матери традиционно чаще присутствуют в тематических родительских группах социальных сетей и более осведомлены о проблематике коммуникаций своих детей); лица в возрасте от 31 до 40 лет (57,4%); лица в возрасте от 41 до 50 лет (30%). Респонденты в возрасте 20–30 лет составили 8%; старше 51 года — 4,6%. Представляется очевидным, что преобладание среди респондентов лиц в возрасте 31–50 лет может свидетельствовать о наличии у них определенного родительского опыта, позволяющего расценивать опрошенных как в достаточной степени информированных о социальных процессах, происходящих в современных образовательных организациях. В пользу репрезентативности проведенного опроса говорит также участие в нем родителей учащихся всех возрастных групп (рис. 2, с. 167).

Учитывая представленность среди участников опроса респондентов, проживающих в населенных пунктах различного масштаба, родителей детей всех школьных возрастов, а также всех возрастных групп самих респондентов, данный опрос мы можем считать репрезентативным, а полученные результаты — достаточно объективными для того, чтобы делать выводы, отвечающие целям исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При оценке уровня информированности респондентов о самом понятии ШСМП было выявлено: знакомы с данным термином лишь 27% опрошенных, где ответ «безусловно, да» дали 15% респондентов; «скорее, да» — 13% (рис. 3).

Неожиданностью явились показатели, указывающие на высокий уровень информированности о понятии «служба школьной медиации» / «школьная служба примирения» в районных центрах (19%) и в сельской местности — (17%) против 13,5% в городах-миллионниках и 10,4% — в городах с численностью жителей до миллиона.

При анализе уровня информированности о наличии различных моделей ШСМП в образовательных организациях, где обучаются ребенок / дети респондентов, нами было определено, что о существовании служб школьной медиации сообщили 9,5% опрошенных; школьных служб примирения — 7% (рис. 4, с. 168).

Службы школьной медиации в сельской местности существуют, по данным 14,2% респондентов; в районных центрах — по данным 13% опрошенных против 6% в городах с населением более миллиона жителей; и против 4,8% — в городах с населением менее миллиона жителей. Школьные службы примирения в сельской

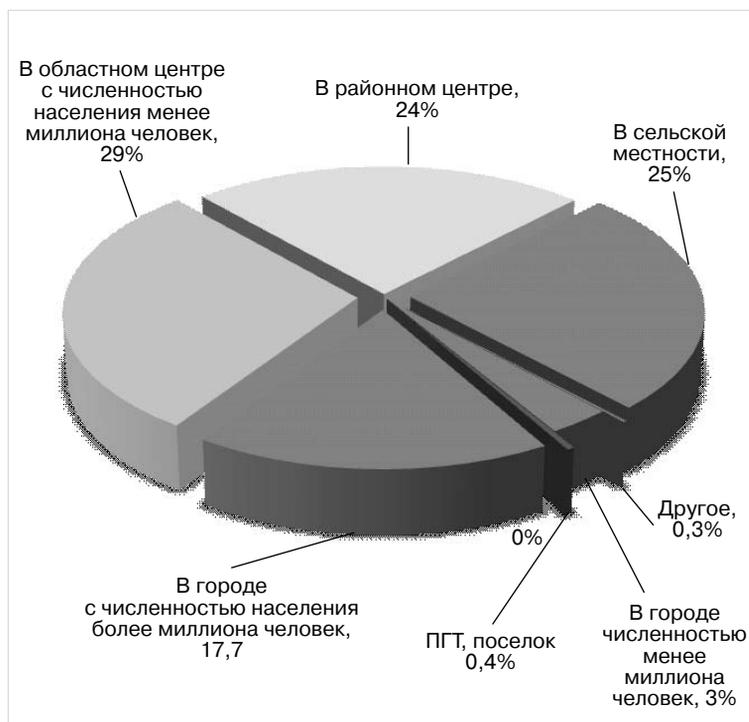

Рис. 1. Распределение респондентов по населенным пунктам (в зависимости от их численности)

Picture 1. Distribution of respondents by settlements (depending on their number)

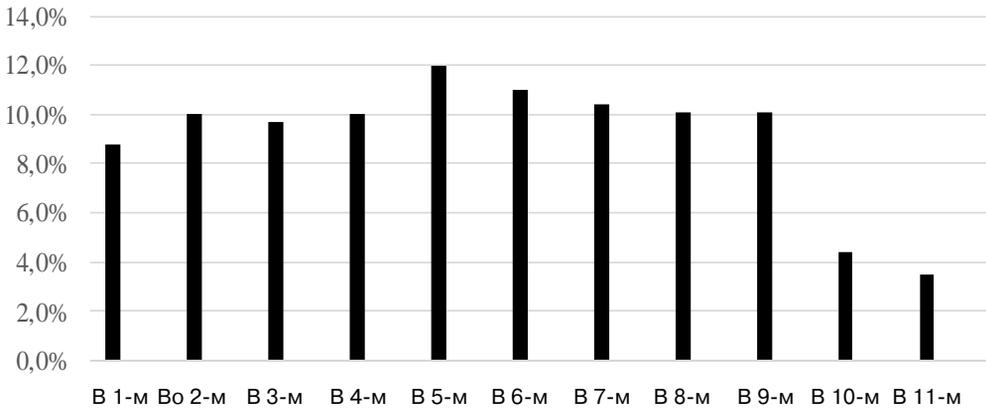

Рис. 2. Распределение респондентов по результатам ответа на вопрос «В каком классе обучается Ваш ребенок/дети?»

Picture 2. Distribution of respondents based on the results of answering the question “What grade is your child/children in?”

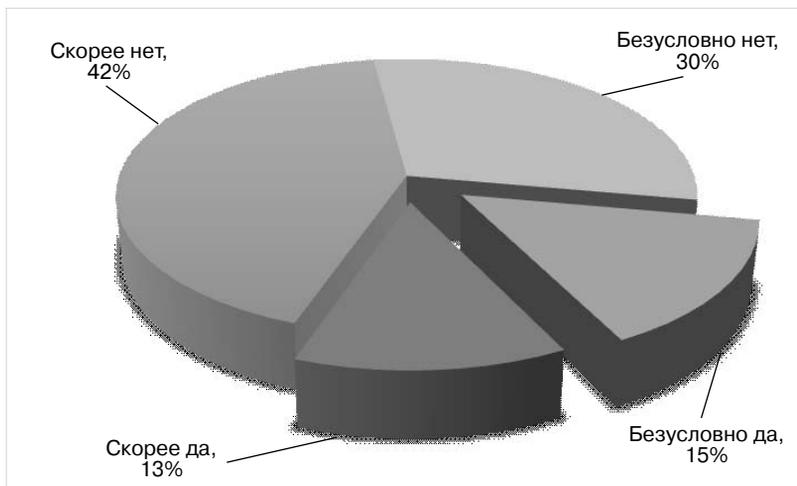

Рис. 3. Уровень информированности респондентов о понятиях «Служба школьной медиации» / «Школьная служба примирения» (ШСМП)

Picture 3. The level of awareness of respondents about the concepts of “School Mediation Service” / “School Reconciliation Service”

местности и в малых городах распространены реже, чем службы школьной медиации. Число респондентов, заявивших о существовании служб примирения в сельской местности, составило 9,7% против 14,2% (службы школьной медиации в сельской местности) и против 5% (службы примирения в городах-миллионниках) и 5% (службы примирения в городах с численностью населения до миллиона).

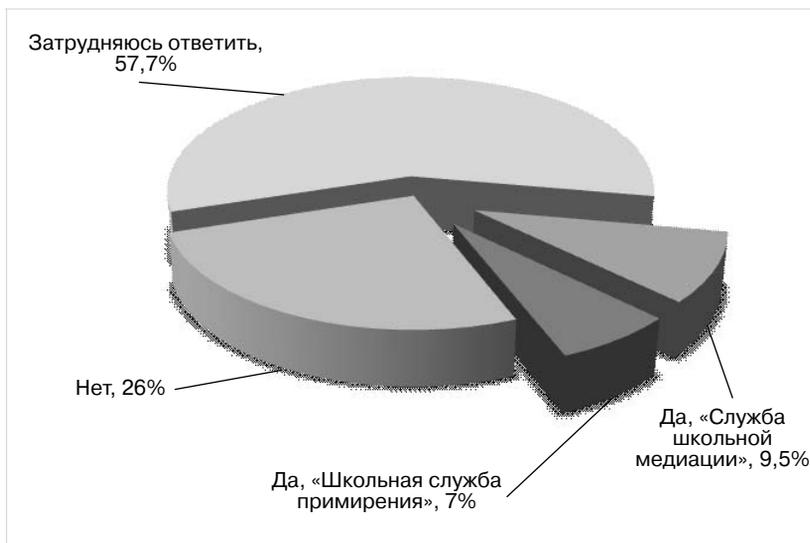

Рис. 4. Распределение респондентов в зависимости от ответа на вопрос «Существует ли «Служба школьной медиации» или «Школьная служба примирения» в образовательной организации, где обучается Ваш ребенок?»

Picture 4. Distribution of respondents depending on the answer to the question "Is there a "School Mediation Service" or "School Reconciliation Service" in the educational organization where your child is studying?"

Столь незначительный уровень распространенности школьных служб примирения (7%) и служб школьной медиации (9,5%) не позволил нам в дальнейшем со статистически достоверным результатом анализировать по отдельности и сравнивать эффективность данных подходов работы с конфликтами. В дальнейшем мы рассмотрим обсуждаемые организационные формы в объединенном формате, оценивая саму эффективность применения институционализированных подходов к урегулированию конфликтных ситуаций, связанных с несовершеннолетними.

Исследование наличия или отсутствия прямого или опосредованного (через детей) опыта соприкосновения респондентов с деятельностью ШСМП позволило выявить, что доля опрошенных, чьи дети (или они сами) никогда не соприкасались с деятельностью служб, составила 71,4% от общего числа опрошенных лиц из числа тех, кто сообщил о наличии ШСМП в образовательных организациях, где обучается/обучаются их ребенок/дети. Из числа респондентов преобладали те, кто сталкивался с деятельностью данных служб при разрешении конфликта своего ребенка с другими детьми или учителями, — 21,6% (рис. 5).

При оценке частоты школьных конфликтов глазами родителей детей было выявлено, что, как в школах с наличием ШСМП, так и при их отсутствии конфликты редки (51 и 49% соответственно). Тем не менее о наличии регулярных конфликтов сообщили 10,3% опрошенных из школ с отсутствием ШСМП против 3,3% — в школах, где подобные службы присутствуют. Наличие конфликтов с частотой «несколько раз в учебный год» в группе родителей детей из школ со ШСМП признают 12% опрошенных против аналогичного показателя 18,2% в группе родителей

Рис. 5. Основания для взаимодействия со ШСМП участников опроса или/и их детей

Picture 5. Reasons for interacting with school conciliation/school mediation services of survey participants and/or their children

детей в школах с отсутствием ШСМП. На то, что конфликты не случаются вообще, указывает наличие большей доли родителей детей, обучающихся в школах со ШСМП (31%), чем в школах, где подобных служб нет (18,8%).

Об информированности учителей о конфликтах в классе (вариант ответа «Безусловно, да») сообщают значительно больше респондентов в группе родителей детей со ШСМП (42,2% против 22,2% в школах с отсутствием служб). Доля выбравших вариант ответа «Скорее, нет» в отношении информированности педагогов о наличии конфликтов в детских коллективах преобладает в группе родителей детей из школ, не имеющих в структуре службы (37% против 16% в школах, имеющих ШСМП).

При оценке способов реагирования педагогов на конфликты между детьми также обращают на себя внимание различия подходов в школах с наличием ШСМП и без них. Вариант ответа «Да, находят виноватого и наказывают его, не разбираясь в причине конфликта» выделили 4% респондентов в школах, имеющих ШСМП, и 11% — в школах без ШСМП; «Разбираются в истинной причине конфликта и наказывают виноватого» (49% — школы с ШСМП; 27,7% — школы без ШСМП); «Не принимают участия в разрешении конфликта» (5,3% — школы с ШСМП; 23,6% — школы без ШСМП); «Собирают весь коллектив и разбирают конфликтную ситуацию открыто» (18,2% — школы с ШСМП; 12% — школы без ШСМП).

Уровень удовлетворенности родителей деятельностью образовательной организации в сфере урегулирования конфликтов в детском коллективе выше в группе тех респондентов, чьи дети обучаются в школах, имеющих в структуре ШСМП. Именно в этой группе на указанный выше поставленный вопрос ответ «Безусловно, да» был получен от 48% респондентов против 16% в группе родителей детей, обучающихся в школах с отсутствием служб. Ответ «Скорее, да» доминировал в группе имеющих опыт взаимодействия с ШСМП (44,3% против 38% в другой группе). Учитывая приведенные выше показатели, недовольство деятельностью учителей по урегулированию детских конфликтов выше в группе родителей, чьи дети обучаются в школах, не имеющих в структуре службы (ответы «Скорее, нет»: 34% против 6%; ответы «Безусловно, нет»: 12% против 1,8%).

Отдельный блок опроса был посвящен анализу конфликтов, возникающих между родителями и представителями педагогического коллектива. Доля респондентов в группе родителей детей, обучающихся в школах, имеющих ШСМП, сообщивших о наличии конфликтов с учителями детей, заметно меньше, чем в группе родителей, чьи дети обучаются в школах без служб (ответы на вопрос «Случались ли у Вас конфликты с учителями?»: «Безусловно, да» (6%) и «Скорее, да» (7,3%) в школах с ШСМП против 12,2 и 18% соответственно в школах, не имеющих подобных служб). Доля участников опроса, отрицающих конфликты с учителями, в группе родителей детей из школ со ШСМП превышает аналогичную долю из школ без служб (ответы «Скорее, нет» (35,3% против 32,6%; «Безусловно, нет» (51,4% против 37%).

При оценке частоты конфликтов, возникающих между родителями и учителями, были отмечены закономерности, близкие аналогичным показателям, выявленным при оценке частоты конфликтов в детских коллективах. При общей позиции респондентов о том, что подобные конфликты случаются редко (46,4% в группе родителей, чьи дети обучаются в школах со ШСМП, и 50,2% — в группе родителей детей из школ без служб), доля родителей, заявивших о более высокой частоте конфликтов, отмечена в группе тех, чьи дети учатся в школах без соответствующих служб («Несколько раз в год» (11,5% против 4%); «Регулярно» (3% против 2%)).

По данным обеих групп респондентов, все конфликты представителей родительского сообщества с учителями, как правило, разрешаются самостоятельно их участниками (38,6% в школах без ШСМП; 31,5% в школах с наличием службы). На втором месте в школах, имеющих ШСМП, инстанцией, разрешающей конфликты учителей с родителями, оказывается ШСМП (23,7%), а в школах без ШСМП — администрация школы (директор, завуч) (19,8%). В школах с наличием ШСМП администрация школы названа третьей по значимости инстанцией в разрешении конфликтов педагогов с родителями. Значимую позицию (четвертое место) в разрешении конфликтов в школах, имеющих ШСМП, занимают школьные психологи (16% против 3,2% в школах без ШСМП).

Уровень удовлетворенности родителей исходом конфликта с представителями образовательной организации, как и в случае исходов конфликтов в детских коллективах, выше в группе респондентов, чьи дети обучаются в школах, имеющих ШСМП («Безусловно, удовлетворен» (48,8% против 21,5% в школах без ШСМП; «Скорее, удовлетворен» 39 и 39%). Вариант ответа «Скорее, нет (не удовлетворен)» доминирует в группе родителей детей, учащихся в школах без соответствующей

щих служб (27% против 8,2% в школах с ШСМП); в группе родителей детей из школ, где отсутствуют ШСМП, отмечено преобладание доли респондентов, заявляющих высокую степень неудовлетворенности исходом конфликта с учителями — «Безусловно, нет (не удовлетворен)» (11,8% против 3,2%).

Опрос показал, что в образовательных организациях, где существуют ШСМП, как и в школах без данных служб, как правило, все конфликты в родительском сообществе разрешаются сами собой (26,2% в школах с ШСМП против 37,4% в школах без служб); второй инстанцией, принимающей на себя задачи по разрешению конфликтов, оказывается администрация школы (директор, завуч) (22,2% в школах с ШСМП и 7,1% в школах без них). Доля родителей, чьи дети обучаются в школах, имеющих ШСМП, и сообщивших о том, что функции по разрешению конфликтов между родителями приняла на себя служба, составила 21,8%. К тому же доля участников опроса, отметивших роль школьного психолога в урегулировании конфликтов между родителями, в группе родителей детей из школ с ШСМП составила 11,7% против 2,4% в школах без служб.

При оценке уровня эффективности деятельности служб среди тех, кто в том или ином виде соприкасался с их деятельностью (рис. 6), преобладают те, кто оценивает ее как «высокую» (19%) и «достаточную» — (31,7%).

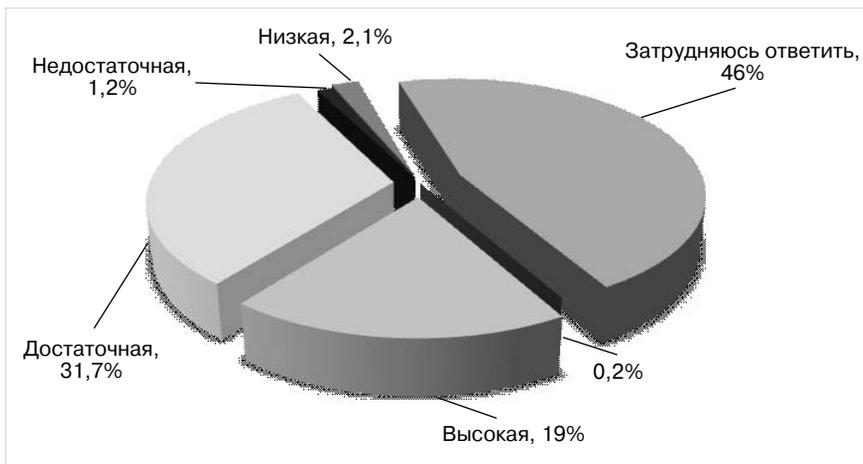

Рис. 6. Уровень оценки эффективности деятельности «Служб школьной медиации» / «Школьных служб примирения»

Picture 6. The level of evaluation of the effectiveness of the “School Mediation Services” / “School Reconciliation Services”

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает возможность сделать ряд выводов, представляющих состояние развития школьных медиативных практик в 2022 г.

— Оказались неожиданностью высокие показатели уровня информированности родителей о самом понятии «служба школьной медиации/школьная служба примирения», выявленные в сельской местности (37,8%) и в районных центрах (29,7%). Также именно в сельской местности (15,2%) и в районных центрах (12%)

отмечен более высокий уровень оценки эффективности служб (объединенные результаты ответов на вопросы с оценкой деятельности служб как «высокой» и «достаточной») против аналогичных показателей, определенных при опросе родителей в городах-миллионниках (8,6%) и в областных центрах с населением в пределах миллиона жителей (5,8%). Более подробно причина сложившейся ситуации может быть объяснена на основе интервью жителей сельской местности и районных центров, детализирующих специфику формирования и деятельности подобных служб в данных населенных пунктах в сравнении со службами в больших городах. Мы можем лишь высказать гипотезу о том, что тесные горизонтальные социальные связи локальных сообществ малых населенных пунктов в отсутствие хорошо развитых иных форм социально-психологической помощи являются наиболее плодотворной почвой для эффективного внедрения и последующего существования ШСМП, вероятно, концентрирующих в себе ряд функций, для реализации которых в мегаполисах есть иные организационные возможности. Выявленный факт вполне укладывается и в русло гипотезы о традициях крестьянского общинного правосудия как одном из истоков российской модели восстановительной медиативной практики.

— Доля тех, кто не знаком с понятием «служба школьной медиации / школьная служба примирения», достигает 72% (объединение ответов «Скорее, нет (не знаком)» и «Безусловно, нет» (не знаком)). Представляемые индикаторы уровня информированности россиян о медиации в образовательных организациях несколько более оптимистичны, чем данные, описываемые в статье по итогам исследования 2021 г. авторов Н. В. Пустовойт и А. И. Иптышевой, — 82,4%. (Пустовойт, Иптышева, 2021: 285).

— В структуре случаев, рассматриваемых ШСМП, лидируют ситуации, связанные с наличием конфликта с другими детьми и учителями (21,6%); конфликты, сопровождающиеся нарушением закона, оказавшиеся в поле зрения полиции или КДН (по сути и являющиеся основанием для нормативно регламентированного внедрения медиативной (восстановительной) практики в отношении несовершеннолетних в рамках задач профилактики преступлений, совершаемых ими), рассматривались ШСМП всего в 2,8% от общего числа случаев. Подобный результат указывает на еще одно возможное направление исследовательской деятельности — выявление барьеров и путей их преодоления при внедрении медиативных технологий в работу со случаями, находящимися в сфере компетенции субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и путей их преодоления.

— Службы до сих пор не стали инстанцией, принимающей на себя первичные обращения обучающихся и их родителей по поводу существующих конфликтных ситуаций: большая часть конфликтов разрешается конфликтующими сторонами самостоятельно (26,2%) или при участии администрации (22,2%) без привлечения ШСМП. Службы принимают на себя функции по первичному рассмотрению конфликтов, лишь по мнению 21,8% опрошенных.

— Нами отмечена значительная доля лиц (50,7%), имеющих опыт взаимодействия со ШСМП в части разрешения конфликтов своих детей или собственных конфликтов с образовательной организацией. В то же время отмечается низкий уровень негативной оценки эффективности деятельности ШСМП — 3,3% (объединенные показатели доли ответов «недостаточная» и «низкая» эффективность).

Уровень удовлетворенности родителей деятельностью образовательной организации в сфере урегулирования конфликтов в детском коллективе выше в школах с ШСМП (ответ «Безусловно, да» — 48% против 16% в школах с отсутствием служб. Ответ «Скорее, да» также доминировал в группе, имеющих опыт взаимодействия с ШСМП (44,3% против 38% в другой группе). В свою очередь, недовольство деятельностью по урегулированию детских конфликтов выше в группе родителей, чьи дети обучаются в школах, не имеющих в структуре службы (ответы «Скорее, нет»: 34% против 6%; ответы «Безусловно, нет» — 12% против 1,8%). Все вышеперечисленное можно расценивать в качестве подтверждения эффективности применяемых технологий в тех случаях, где они действительно в полной мере внедрены в деятельность образовательных организаций. Вызывает обоснованный вопрос большое число затруднившихся ответить на поставленный вопрос о субъективной оценке эффективности ШСМП — 46%. Это может быть обусловлено, по нашему мнению, большой долей респондентов, чьи дети или они сами самостоятельно разрешали конфликты, не обращаясь за помощью в ШСМП.

— Есть основания полагать, что наличие ШСМП в структуре образовательной организации способствует формированию особой атмосферы, в которой конструктивное реагирование на конфликты становится нормой повседневной жизни. Основаниями для выдвижения этой гипотезы служат полученные нами данные о более высокой частоте любых конфликтов в школах без служб по сравнению с аналогичными показателями в школах, имеющих данные подразделения: «регулярные конфликты» (10,3% из школ с отсутствием ШСМП против 3,3% в школах с наличием служб; «конфликты не случаются вообще»: 31% в школах со ШСМП против 18,8% в школах без служб). Кроме того, отмечена большая информированность учителей о конфликтах в школах с наличием ШСМП (42,2% против 22,2% в школах с отсутствием служб) и, соответственно, низкая информированность в школах, не имеющих в своей структуре соответствующие службы (37% против 16% в школах, имеющих ШСМП). Данное явление может быть объяснено тем, что наличие ШСМП способствует активному выявлению конфликтных ситуаций в образовательной среде посредством их уведомления о любых проявлениях назревающих конфликтных ситуаций. Представленные показатели вполне подтверждают довольно известное утверждение самих медиаторов о том, что деятельность ШСМП в структуре образовательной организации меняет ее атмосферу и способствует профилактике значимых конфликтов, прежде казавшееся авторам сугубо субъективным и отчасти утопическим (Соболева, 2016: 19); (Коновалов, 2022: 292). Гипотеза подлежит дополнительной проверке с использованием качественных методов социологических исследований.

— Родители детей, которые обучаются в школах с наличием ШСМП, констатируют проявления более конструктивных подходов к урегулированию конфликтов как в самой образовательной организации, так и в ситуациях, когда случай попал в зону внимания полиции или комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В целом уровень удовлетворенности родителей деятельностью образовательной организации по работе с детскими конфликтами в школах, имеющих ШСМП, заметно выше, чем в случаях их отсутствия.

Представленные результаты не стоит рассматривать как строгую оценку деятельности по развитию служб примирения / медиации в России. Мы считаем медиативную практику в образовательных организациях страны состоявшимся

и эффективным инструментом работы с девиантным поведением, правонарушениями несовершеннолетних и разрешения конфликтов. В то же время можно констатировать необходимость повышения эффективности организационных моделей внедрения медиативных технологий в самые различные процессы реагирования на социальное неблагополучие. При этом данная деятельность немыслима без соответствующего нормативного регулирования и государственной поддержки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> (дата обращения: 07.04.2023).

² Концепция развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 1430-р от 30 июля 2014 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166695/7736d72b829aec9c42ea5d9cd9499bc5c5c5e8f3/ (дата обращения: 07.04.2023).

³ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31539> (дата обращения: 07.04.2023).

⁴ Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 декабря 2015 г. № 07-4317 «О направлении методических рекомендаций» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-18122015-n-07-4317-o-napraavlennii/?ysclid=lm8suvmg6370890272> (дата обращения: 07.04.2023).

⁵ Письмо Минобрнауки России от 26 декабря 2017 г. № 07-7657 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций») [Электронный ресурс] // КОДИФИКАЦИЯ.РФ. URL: <https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minobrnauki-Rossii-ot-26.12.2017-N-07-7657/?ysclid=Ima67vtfqf935977239> (дата обращения: 07.04.2023).

⁶ Письмо Министерства просвещения РФ от 28 апреля 2020 г. № ДГ-375/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по развитию сети служб медиации (примирения) в образовательных организациях и в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей») [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73931992/> (дата обращения: 07.04.2023).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49230> (дата обращения: 07.04.2023).

⁸ Принадлежит Meta, признанной в Российской Федерации экстремистской организацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический доклад «Мониторинг деятельности служб медиации в субъектах Российской Федерации», подготовленный Федеральным государственным бюджетным учреждени-

ем «Центр защиты прав и интересов детей» [Электронный ресурс] // Школьные службы примирения. URL: <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2021/11/Мониторинг-СШМ-ШСП-Минпросвещения-РФ.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).

Андреева, Е. Е., Коротун, А. В., Медведева, Н. А. (2022) Применение медиативных технологий в работе с воспитанниками социально-реабилитационного центра // Социализация детей и подростков в условиях реабилитационного центра: опыт, достижения, проблемы : сб. трудов Международной научно-практической конференции / науч. ред. Ю. Н. Галагузова. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. 225 с. С. 63–68.

Архипкина, А. С. (2020) Развитие школьной медиации в субъектах РФ. Роль профильных НКО (на примере Иркутской области) // Медиация в образовании: поликультурный контекст : материалы II Международной конференции / под ред. О. Г. Смоляниновой. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 325 с. С. 13–17.

Барвинская, Т. В. (2020) Эффективность работы студентов в службе примирения и вовлеченность активных студентов в наставничество в ГПОУ «Читинский техникум отраслевых технологий и бизнеса» // Педагогическое обозрение. №2 (42). С. 132–133.

Вечерина, О. П., Пугалова, И. Б. (2020) Структура российского института медиации: настоящее, прошлое, будущее // Юридические исследования. №9. С. 47–63. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.9.34287

Голошубова, М. А., Калинина, Е. В. (2021) Медиация и школьные службы примирения: проблемы внедрения и перспективы деятельности // Защита прав ребенка в условиях современных вызовов. Социальные, педагогические и правовые аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. А. Маскаляновой, О. А. Данковцева, Г. В. Головина. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского. 268 с. С. 32–36.

Груздева, Е. А. (2021). Особенности медиативной процедуры при участии детей с ОВЗ в Арктических территориях // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. №2-1. DOI: 10.24411/2658-3569-2021-10016

Евсеева, Д. А. (2022). Медиативные онлайн-встречи с родителями // Медиация. Молодость. Будущее! : сб. науч. ст. по материалам I Международного фестиваля / под ред. Н. Н. Шевелевой, Л. В. Ножичкиной, Л. В. Носовой. М. : Московский городской педагогический университет; ООО «А-Приор». 90 с. С. 66–68.

Забалканцева, Е. В., Флоренкова, Л. А. (2021) Онлайн-сервис «Forum Pacis» для создания и сопровождения деятельности служб медиации образовательных организаций // Дистанционное обучение: реалии и перспективы : материалы VI всероссийской научно-практической конференции / под ред. Н. Д. Матросовой. СПб. : Санкт-Петербургский центр оценки качества образования и информационных технологий. 233 с. С. 57–61.

Карпова, Е. А., Смелова, М. В. (2021) Создание условий для инклюзивного образовательного пространства методами медиации и организации досуговой деятельности студентов // Вестник Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области. Тульское образовательное пространство. №3. С. 77–79.

Коновалов, А. Ю. (2012) Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа». 256 с.

Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития (2019) / Е. В. Фролова, Т. М. Рябова, О. В. Рогач, А. В. Зуйкина // Перспективы науки и образования. №3 (39). С. 227–239. С. 230. DOI: 10.32744/pse.2019.3.17

Кривцова, С., Шапкина, А., Белевич, А. (2016) Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия // Образовательная политика. №3. С. 97–119.

Маркова, Н. А. (2022) Служба медиации как форма интеграции медиативного подхода в реабилитационные центры для несовершеннолетних // Катановские чтения — 2022 : сб.

науч. трудов студентов / под ред. С. А. Кыровой. Абакан : Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова. 284 с. С. 170–171.

Мигунова, А. В. (2021) Школьные службы медиации и примирения: текущее состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 4 (64). С. 97–104. DOI: 10.52452/18115942_2021_4_97

Нагибина, Д. М. (2022) Профилактика кибербуллинга в образовательном пространстве // Медиация в образовании: социокультурный контекст : материалы IV Международной конференции / под ред. О. Г. Смоляниновой. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. 238 с. С. 123–128.

Новикова, М. А., Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2021) Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. № 3. С. 62–90. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90

Проект «Мы считаем». «Российские школьники о буллинге и патриотизме в новых реалиях» [Электронный ресурс] // Михайлов и партнеры. URL: <https://m-p-a.ru/proekt-myi-schitaem.-%C2%ABrossijskie-shkolniki-o-bullinge-i-patriotizme-v-novyix-realiyah%C2%BB.html> (дата обращения: 07.04.2023).

Пустовойт, Н. В., Иптышева, А. И. (2021) Исследование потребностей родителей в создании территориальной службы медиации в г. Абакан // Modern Science. № 11–4. С. 285–292.

Редькина, С. И. (2022) Онлайн-медиация в системе образования // Шаг в историческую науку : материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / под ред. Г. А. Кругликова. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет 424 с. С. 402–405.

Смолянинова, О. Г., Алексеева, Е. А., Смолянинов, А. А. (2021) Онлайн-медиация в социализации детей с ОВЗ в условиях Арктики и Крайнего Севера Красноярского края // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16. № 3. С. 346–361. DOI: 10.26907/esd.16.3.28

Соболева, Л. А. (2016) Восстановительная медиация в Пермском крае. Итоги масштабного социального эксперимента 2002–2015 годов // Вестник восстановительной юстиции. № 13. С. 19–22.

Турова, О. В., Гонохова, Т. А. (2020) Студенческие службы примирения как модель восстановительной медиации в молодежной среде // Высшая школа: научные исследования : материалы Межвузовского научного конгресса / под ред. А. А. Силиверстовой. М. : Инфинити. 94 с. С. 52–62.

Флегонтова, А. В. (2020) Актуальные вопросы, связанные с созданием и деятельностью служб медиации в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа // Право, экономика и управление: актуальные вопросы : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Э. В. Фомина. Чебоксары : Издательский дом «Среда». 368 с. С. 356–359.

Хавкина, А. Л. (2022) Организационные и содержательные аспекты создания и методической поддержки школьных служб примирения: Пермский опыт // Человеческий капитал как фактор социальной безопасности : сб. материалов международной научно-практической конференции / под ред. А. И. Калашникова. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. 339 с. С. 292–295.

Хломов, К. Д., Давыдов, Д. Г., Бочавер, А. А. (2019) Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. Т. 9. № 2. С. 276–295. DOI:10.17759/psylaw.2019090219

Черненко, Ю. А., Сапрыкина, Д. И. (2018) Феномен буллинга в российских школах: учителя — жертвы // Коммуникации. Медиа. Дизайн. Т. 3. № 2. С. 136–150.

Шамликашвили, Ц. А., Хазанова, М. А. (2014) Метод «школьная медиация» как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 2. С. 26–32.

Шелиспанская, Э. В., Привезенцев, А. Г. (2020) Медиативный подход к профилактике межличностных конфликтов в учреждениях интернатного типа // Педагогика и психология

в современном мире : материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов / под ред. Ш. М. Арсалиева, Р. А. Алиханова. Грозный : АЛЕФ. 676 с. С. 627–632.

Das, A., Macbeth, J., Elsaesser, C. Online school conflicts: expanding the scope of restorative practices with a virtual peace room // *Contemporary Justice Review*. 2019. Vol. 22. No. 4. Pp. 351–370. URL: <https://doi.org/10.1080/10282580.2019.1672047>

Дата поступления: 10.04.2023 г.

*PREVALENCE AND EFFECTIVENESS OF CONCILIATION/MEDIATION SERVICES
IN RUSSIAN SCHOOLS (ACCORDING TO A SURVEY OF PARENTS)*

A. N. OSTROVSKY

RUSSIAN STATE SOCIAL UNIVERSITY,

R. A. CHUPRIKOV

OFFICE OF THE CIVIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents the results of the All-Russian online survey of parents conducted in 2019–2022.

The situation with the manifestations of deviant behavior of children and adolescents in the school environment, according to current research, despite the active development of conciliation/mediation services in Russian educational institutions, continues to be difficult.

72% of Russians are not familiar with the concept of “service of conciliation/mediation” at all. In the structure of cases considered by the Services, the leading ones are situations related to the presence of a conflict with other children and teachers (21,6%); conflicts accompanied by violation of the law are considered by the Services in only 2,8% of cases. Most of the school conflicts are resolved by the conflicting parties on their own (26,2%) or involving the administration (22,2%) without the involvement of the services. The services assume the functions of primary consideration of conflicts only according to 21,8% of respondents. There is a significant proportion of people (50,7%) who have experience of interacting with the services in terms of resolving their children’s conflicts or their own conflicts with an educational organization in those organizations where the services exist.

There is reason to believe that the presence of the services in the structure of schools contributes to the formation of a special intra-organizational culture in which parents state manifestations of more constructive approaches to conflict resolution; teachers’ better awareness of conflict situations; show greater satisfaction with the activities of the educational organization for working with children’s conflicts (48% versus 16% in schools with no services). The frequency of any conflicts is higher in organizations without the relevant services compared to those in schools with these units.

The results obtained indicate, in general, the effectiveness of mediation practice in dealing with deviant behavior, conflicts and juvenile delinquency. At the same time, the low coverage of the population both by the conciliation/mediation services themselves and by the information about their capabilities indicates the need to create effective organizational models for the implementation of mediation technologies in a variety of processes in response to social disadvantage.

Keywords: school mediation services; school reconciliation services; awareness; coverage of the population; conflicts; deviant behavior; delinquency

REFERENCES

Analiticheskij doklad «Monitoring dejatel’nosti sluzhb mediacii v sub’ektah Rossijskoj Federacii», podgotovlennogo Federal’nym gosudarstvennym bjudzhetnym uchrezhdeniem «Centr zashhity prav i interesov detej». *Skol’nye sluzhby primireniia*. [online] Available at: <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2021/11/Monitoring-SShM-ShSP-Minprosveshhenija-RF.pdf> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.).

Andreeva, E. E., Korotun, A. V. and Medvedeva, N. A. (2022) Primenenie mediativnyh tehnologij v rabote s vospitannikami social'no-reabilitacionnogo centra. In: *Socializacija detej i podrostkov v usloviyah reabilitacionnogo centra: opyt, dostizhenija, problemy. Sbornik trudov Mezhduнародной nauchno-prakticheskoj konferencii* / ed. by Ju. N. Galaguzova. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University. 225 p. Pp. 63–68. (In Russ.).

Arhipkina, A. S. (2020) Razvitie shkol'noj mediacii v sub#ektah RF. Rol' profil'nyh NKO (na primere Irkutskoj oblasti). In: *Mediacija v obrazovanii: polikul'turnyj kontekst. Materialy II Mezhduнародной konferencii* / ed. by O. G. Smolianinova. Krasnojarsk, Siberian Federal University. 325 p. Pp. 13–17. (In Russ.).

Barvinskaja, T. V. (2020) Jeffektivnost' raboty studentov v sluzhbe primirenija i вовлечennost' aktivnyh studentov v nastavnichestvo V GPOU «Chitinskij tehnikum otraslevykh tehnologij i biznesa». *Pedagogicheskoe obozrenie*, no. 2 (42), pp. 132–133. (In Russ.).

Vecherina, O. P. and Putalova, I. B. (2020) Struktura rossijskogo instituta mediacii: nastojashhee, proshloe, budushhee. *Juridicheskie issledovanija*, no. 9, pp. 47–63. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.9.34287 (In Russ.).

Goloshubova, M. A. and Kalinina, E. V. (2021) Mediacija i shkol'nye sluzhby primirenija: problemy vnedrenija i perspektivy dejatel'nosti. Zashhita prav rebenka v usloviyah sovremennyh vyzovov. In: *Social'nye, pedagogicheskie i pravovye aspekty. materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* / ed. by S. A. Maskalianova, O. A. Dankovtsev and G. V. Golovin. Lipeck, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 268 p. Pp. 32–36. (In Russ.).

Gruzdeva, E. A. (2021) Osobennosti mediativnoj procedury pri uchastii detej s OVZ v Arkticheskikh territorijah. *Mezhduнародnyj zbornal prikladnyh nauk i tehnologij Integral*, no 2-1. DOI: 10.24411/2658-3569-2021-10016 (In Russ.).

Evsheva, D. A. (2022) Mediativnye onlajn-vstrechi s roditeljami. In: *Mediacija. Molodost'. Bu-dushbee! Sbornik nauchnyh statej po materialam I Mezhduнародного festivalja* / ed. by N. N. Sheveleva, L. V. Nozhichkina and L. V. Nosova. Moscow, Moscow City Pedagogical University, ООО «A-Prior». 90 p. Pp. 66–68. (In Russ.).

Zabalkanceva, E. V. and Florenkova, L. A. (2021) Onlajn-servis «Forum Pacis» dlja sozdaniya i soprovozhdenija dejatel'nosti sluzhby mediacii obrazovatel'nyh organizacij. In: *Distancionnoe obuchenie: realii i perspektivy. Materialy VI vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* / ed. by N. D. Matrosova. Sankt-Peterburg, St. Petersburg Center for Quality Assessment of Education and Information Technologies. 233 p. Pp. 57–61. (In Russ.).

Karpova, E. A. and Smelova, M. V. (2021) Sozdanie uslovij dlja inkluzivnogo obrazovatel'nogo prostranstva metodami mediacii i organizacij dosugovoj dejatel'nosti studentov. *Vestnik Instituta povysheeniia kvalifikatsii i professional'noi perepodgotovki rabotnikov obrazovaniia Tul'skoi oblasti. Tula: Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo*, no 3, pp. 77–79. (In Russ.).

Konovalev, A. Ju. (2012) *Shkol'naja sluzhba primirenija i vosstanovitel'naja kul'tura vzaimootnoshenij: prakticheskoe rukovodstvo*. Moscow, The Center «Judicial and Legal Reform». 256 p. (In Russ.).

Krivicova, S., Shapkina, A. and Belevich, A. (2016) Bulling v shkolah mira: Avstrija, Germanija, Rossija. *Obrazovatel'naja politika*, no. 3, pp. 97–119. (In Russ.).

Markova, N. A. (2022) Sluzhba mediacii kak forma integracii mediativnogo podhoda v reabilitacionnye centry dlja nesovershennoletnih. In: *Katanovskie chtenija — 2022. Sbornik nauchnyh trudov studentov* / ed. by S. A. Kyrova. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University. 284 p. Pp. 170–171. (In Russ.).

Migunova, A. V. (2021) Shkol'nye sluzhby mediacii i primirenija: tekushhee sostojanie i perspektivy razvitija. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki*, no 4 (64), pp. 97–104. DOI: 10.52452/18115942_2021_4_97 (In Russ.).

Nagibina, D. M. (2022), Profilaktika kiberbullinga v obrazovatel'nom prostranstve. In: *Mediacija v obrazovanii: sotsiokul'turnyj kontekst : materialy IV Mezhduнародnoi konferencii*

entsii / ed. by O. G. Smolianinova. Krasnoïarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev. 238 p. Pp. 123–128. (In Russ.).

Novikova, M. A., Rean, A. A. and Konovalov, I. A. (2021) Bulling v rossijskikh shkolah: opyt diagnostiki rasprostranennosti, polovozrastnyh osobennostej i svyazi so shkol'nyim klimatom *Voprosy obrazovaniya*, no 3, pp. 62–90. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90 (In Russ.).

Proekt «My schitaem». «Rossiiskie shkol'niki o bullinge i patriotizme v novykh realiakh». *Mikhailov i partnery* [online] Available at: URL: <https://m-p-a.ru/proekt-myi-schitaem-%C2%ABrossijskie-shkolniki-o-bullinge-i-patriotizme-v-novyix-realiyax%C2%BB.html> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.).

Pustovojt, N. V. and Iptysheva, A. I. (2021) Issledovanie potrebnostej roditel'ej v sozdanii territorial'noj sluzhby mediacii v g. Abakan. *Modern Science*, no. 11–4, pp. 285–292. (In Russ.).

Red'kina, S. I. (2022) Onlajn-mediacija v sisteme obrazovaniya. V sbornike: Shag v istoricheskuyu nauku. In: *Materialy XXII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh* / ed. by G. A. Kruglikova. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University. 424 p. Pp. 402–405. (In Russ.).

Smoljaninova, O. G., Alekseeva, E. A. and Smoljaninov, A. A. (2021) Onlajn-mediacija v socializacii detej s OVZ v uslovijah Arktiki i Krajnego Severa Krasnojarskogo kraja. *Obrazovanie i samorazvitiye*, vol. 16, no. 3, pp. 346–361. DOI: 10.26907/esd.16.3.28 (In Russ.).

Soboleva, L. A. (2016) Vosstanovitel'naja mediacija v Permskom krae. Itogi masshtabnogo social'nogo jeksperimenta 2002–2015 godov. *Vestnik vosstanovitel'noj justicii*, no. 13, pp. 19–22. (In Russ.).

Turova, O. V. and Gonohova, T. A. (2020) Studencheskie sluzhby primirenija kak model' vosstanovitel'noj mediacii v molodezhnoj srede. In: *Vyssbaja shkola: nauchnye issledovaniya. materialy Mezbvuzovskogo nauchnogo kongressa* / ed. by A. A. Siliverstova. Moscow, Infiniti. 94 p. Pp. 52–62. (In Russ.).

Flegontova, A. V. (2020) Aktual'nye voprosy, svyazannye s sozdaniem i dejatel'nost'ju sluzhb mediacii v special'nyh uchebno-vospitatel'nyh uchrezhdenijah otkrytogo i zakrytogo tipa. In: *Pravo, jekonomika i upravlenie: aktual'nye voprosy. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezbunarodnym uchastiem* / ed. by E. V. Fomin. Cheboksary, Sreda. 368 p. Pp. 356–359. (In Russ.).

Frolova, E. V., Rjabova, T. M., Rogach, O. V. and Zujkina, A. V. (2019) Konflikty v sisteme shkol'nogo obrazovaniya: kljuchevye problemy, specifika i faktory razvitiya. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, no. 3 (39), pp. 227–239. DOI: 10.32744/pse.2019.3.17 (In Russ.).

Havkina, A. L. (2022) Organizacionnye i soderzhatel'nye aspekty sozdaniya i metodicheskoy podderzhki shkol'nyh sluzhb primirenija: Permskij opyt In: *Chelovecheskij kapital kak faktor social'noj bezopasnosti. Sbornik materialov mezbunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* / ed. by A. I. Kalashnikov. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University. 339 p. Pp. 292–295. (In Russ.).

Hlomov, K. D., Davydov, D. G. and Bochaver, A. A. (2019) Kiberbulling v opyte rossijskikh podrostkov. *Psihologija i pravo*, vol. 9, no. 2, pp. 276–295. DOI: 10.17759/psylaw.2019090219 (In Russ.).

Chernenko, Ju. A. and Saprykina, D. I. (2018) Fenomen bullinga v rossijskikh shkolah: uchitelja — zhertvy. *Kommunikacii. Media. Dizajn*, vol. 3, no. 2, pp. 136–150. (In Russ.).

Shamlikashvili, C. A. and Hazanova, M. A. (2014) Metod «shkol'naja mediacija» kak sposob sozdaniya bezopasnogo prostranstva i ego psihologicheskie mehanizmy. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*, vol. 19, no 2, pp. 26–32. (In Russ.).

Shelispan'skaja, Je. V. and Privezencev, A. G. (2020) Mediativnyj podhod k profilaktike mezhl'ichnostnyh konfliktov v uchrezhdenijah internatnogo tipa. In: *Pedagogika i psihologija v sovremennom mire. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh, aspirantov, magistrantov i studentov* / ed. by Sh. M. Arsalieva and R. A. Alikhanova. Groznyj, ALEF. 676 p. Pp. 627–632. (In Russ.).

Das, A., Macbeth, J. and Elsaesser, C. (2019) Online school conflicts: expanding the scope of restorative practices with a virtual peace room. *Contemporary Justice Review*, vol. 22, no. 4, pp. 351–370. DOI: 10.1080/10282580.2019.1672047

Submission date: 10.04.2023.

Островский Антон Николаевич — кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой знаний, умений, навыков и компетенций Российского государственного социального университета. Адрес: 129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1. Тел.: +7 (926) 031-10-20. Эл. адрес: ostrovskii@rgsu.net

Чуприков Роман Александрович — советник отдела по обеспечению деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Apparata Общественной палаты Российской Федерации. Адрес: 125993, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 7, стр. 1. Тел.: +7 (981) 951 95 90. Эл. адрес: chuprikov2430@yandex.ru

Ostrovsky Anton Nikolayevich, Candidate of Medicine, Associate Professor, Head, Department of Knowledge, Skills, Abilities and Competences, Russian State Social University. Postal address: 4, Wilgelma Picka St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 129226. Tel.: +7 (926) 031-10-20. E-mail: a-ostrovsky@mail.ru

Chuprikov Roman Alexandrovich, Advisor, Department for Ensuring the Activities of the Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation, Office of the Civic Chamber of the Russian Federation. Postal address: 7, Miusskaya square, Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 125993. Tel.: +7 (981) 951-95-90. E-mail: chuprikov2430@yandex.ru